

УДК 165

МЕТАФОРЫ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ*Абраменко Вячеслав Игоревич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

На протяжении всей истории философии для описания феномена сознания и процесса познания в целом мыслители обращались к метафорам. В статье дан краткий историко-философский очерк, позволяющий выявить определенные гносеологические основания применения метафор. Главный акцент сделан на категории «отражение», разрабатываемой в рамках диалектического материализма. В статье проведен подробный анализ метафоры «отражение», позволяющий сделать ряд выводов относительно роли процессов метафоризации в философском дискурсе. Выявлен ряд функций метафорических конструкций, среди которых *номинативная*, *объяснительная* и *когнитивная*. Последняя имеет для философии особое значение и требует дальнейшего исследования. На основе предложенного анализа можно говорить об особой роли метафоры при построении фундаментальных теоретических систем, где она выступает вербальным компонентом процесса познания. Подтверждается, что метафора является механизмом, позволяющим языку преодолеть его ограниченность на пути бесконечного познания мира.

Ключевые слова: метафора; сознание; теория отражения; функции метафоры.

METAPHORS OF CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE*Vyacheslav I. Abramenko**Perm State University*

Thinkers throughout the history of philosophy applied metaphor in order to describe phenomenon of consciousness and cognitive process in general. The article gives a brief historico-philosophical introduction which is helpful with identifying certain epistemological grounds for applying metaphors. The main emphasis is made on the category «*reflection*» which was developed in the context of dialectical materialism. A thorough analysis of the metaphor «*reflection*» was made in the article, which gives us a number of conclusions about the role of metaphorical processes in philosophical discourse. A number of metaphorical functions was discovered which are *nominative*, *explanatory* and *cognitive*. The latter function has a crucial importance for the philosophy that requires further study in this area. On the basis of proposed analysis we can speak about the exceptional role of the metaphor in the construction of the fundamental theoretical systems, where it acts as a verbal component of the process of cognition. It is confirmed that the metaphor is a mechanism that allows the language to overcome its limitations in the way of infinite cognition of the world.

Key words: metaphor, consciousness, theory of reflection, functions of metaphor.

Рассуждая о метафоре в философском тексте, Х. Ортега-и-Гассет приходит к выводу, что на протяжении всей истории философы чаще всего применяли метафору при исследовании феноменов, имеющих наиболее сложную природу, что вызывало трудности при их описании. Одним из таких феноменов является сознание и все, что связано с ним. «Почти вся современная психологическая терминология — это чистая метафора: слова с конкретным значением были приспособлены к тому, чтобы обозначать явления психологического порядка» [9, с. 76]. Действительно, всякий раз, рассуждая о процессе познания, мы используем формулировки: «сознание схватывает»,

«сознанию открывается», «движение сознания/мышления», «сознание отражает». «Легко понять, сколь трудно охватить, описать и определить этот универсальный, повсеместный и неизбывный феномен — сознание» [9, с. 77].

В связи с этим следует предпринять попытку анализа метафор, используемых по отношению к сознанию, и рассмотреть функции, которые они выполняют. Обнаруживаются ли принципиальные различия между подобными метафорами, примененными к одному и тому же феномену? И если эти различия присутствуют, то значит ли это, что каждая метафора выражает свое специфическое содержание, или же различия носят чи-

сто формальный характер? И насколько адекватна форма метафорического выражения теоретическому содержанию? Эти вопросы напрямую связаны с фундаментальными гносеологическими проблемами, требующими обстоятельного теоретического исследования. В данной статье мы ограничимся лишь кратким рассмотрением одной метафоры, а точнее, ряда метафор, которые применялись к процессу познания на протяжении всей истории философии. Возможно, такое исследование может послужить фундаментом для построения теории, описывающей функционирование метафоры в философском дискурсе.

Предметом исследования будет теория отражения, описанная В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» [5]. Эта теория возникла в результате методологической критики агностицизма, в котором постулируется принципиальная изолированность субъекта познания от объектов, на которые это познание направлено. Для того чтобы осуществить эту критику, избежав при этом терминологической путаницы, требовалось выработать абсолютно новое понятие для столь же нового теоретического содержания. Этим новым понятием выступило «отражение». Уже на этом предварительном этапе отчетливо прослеживается *номинативная* функция метафоры.

Увидеть всю глубину данной метафоры, а также некоторую закономерную необходимость обращения к ней позволит историко-философский экскурс.

Исторически первой метафорой сознания является рассмотрение его как *восковой дощечки*, на которой может оставаться *τύπος* (след, отпечаток, оттиск). Эта метафора была выработана античной традицией, восходящей к Платону и Аристотелю. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что при таком подходе сознание и объекты, оставляющие свой след в нем, обладают гомогенным субстратом, что является неверным, поскольку сознание в своей сущности нематериально [9, с. 78–79]. Такой подход древних греков Ортега-и-Гассет объясняет тем, что они имели специфичное мировосприятие, когда познающий субъект рассматривался как объект среди других объектов, наполняющих космос.

Замечание по поводу мировосприятия древних греков не вызывает сомнения, а вывод, сделанный из этого, представляется вполне логичным, но все-таки не совсем удовлетворительным. Тут следует обратиться к более утонченной интерпретации, которая будет исходить из гносеологических систем самих авторов, непосредственно обратившихся к этой метафоре, а не из мировосприятия граждан древних полисов. А.Ф. Лосев описывает

катеорию *τύπος* (здесь «тип») у Платона следующим образом: «...“тип”, как его употребляет Платон, является всегда носителем определенного смысла... Иногда “тип” у Платона означает “отпечаток”, “оттиск”, “отражение”» [7, с. 635]. Здесь мы видим, что на восковой дощечке происходит отпечатывание смысла, что как раз и говорит об идеальной сущности сознания. Также стоит отметить рациональный характер процесса познания у Платона, ведь познание выглядит как смутное припоминание идей, которое происходит благодаря тому, что предметы чувственного мира пробуждают в душе воспоминания о мире идей.

У Аристотеля в трактате «О душе» говорится следующее: «Любое чувство — это то, что способно ощущать формы ощущаемого без его материи, как воск принимает отпечаток перстня без железа или золота» [1, с. 421]. Для Аристотеля основой и началом любого познания являются ощущения, которые способны воспринимать исключительно форму предметов чувственного мира, но не их материал, поскольку душа является нематериальной. Ощущения являются низшей ступенью познания, поэтому дальнейшее познание осуществляется при помощи понятий и логики. Получается, что метафора с воском применяется Аристотелем исключительно к чувственной стороне процесса познания, а не к гносеологической системе в целом.

В последующем развитии философской мысли принцип восковой дощечки воплощается в качестве *tabula rasa* (чистая доска). В таком виде он появился у многих философов Средневековья и Нового времени, но *tabula rasa* стала популярной благодаря Джону Локку, использовавшему этот принцип с целью критики теории врожденных идей, разработанной рационалистами. У самого Локка принцип *tabula rasa* (метафора) выражен другой метафорой, которая по содержанию вполне тождественна предшествующей. У него сознание предстает в виде *белой бумаги* (*white paper*): «Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей» [6, с. 154]. При помощи чувств разуму доставляются восприятия конкретных вещей, из которых затем формируются идеи. Здесь, таким образом, обнаруживаются определенные трансцендентальные структуры, что, во-первых, подчеркивает относительную активность сознания, ведь идеи не просто «отпечатываются» в душе, а каким-то образом «записываются» на белой бумаге (здесь требуется дополнительный шаг от восприятия к формированию идей в сознании); во-вторых, акцентирует внимание на субъективной стороне сознания. Относительность активности связана с тем, что Локк выделяет два

источника идей: 1) чувственность, которая пассивно воспринимает простые идеи; 2) рефлексия, которая активно преобразует уже имеющиеся идеи. Пассивность в первую очередь связана с неспособностью разума отказаться от восприятий, которые он получает, а также произвольно изменять образы непосредственных восприятий.

Следует отметить, что выражение нового содержания в рамках гносеологии Локка потребовало использования новой метафоры по отношению к сознанию. Это означает, что метафора в философии выступает не в качестве художественного приема, позволяющего красиво выразить определенные концепты, а является необходимым атрибутом процесса расширения концептуальных полей профессионального дискурса.

Наконец, мы подходим к теории отражения. В рамках этой теории мышление предстает в виде процесса отражения объективного мира. Как уже было сказано, категория отражения была выработана с целью осуществления критики теории познания, расщепляющей мир на феноменальный и ноуменальный. При таком расщеплении возникают гносеологические трудности: объективный мир недоступен познающему субъекту. Разрабатывая диалектико-материалистическую концепцию познания, Ленин предлагает категорию отражения в качестве основополагающей, чтобы наиболее отчетливо показать *непосредственный* доступ объективной действительности субъекту. Поэтому ключевыми принципами выступают признание существования объективного мира и признание познаваемости мира для человека.

Итак, что же таит в себе метафора «отражение»? В первую очередь следует отметить, что в отличие от предшествующих гносеологических метафор, где акцент делается на субстрате (дощечка, воск, след), «отражение» является девербативом, образованным в результате субстантивации глагола «отражать», что смещает акцент в сторону процессуального характера познания. Этот момент подчеркивает диалектический принцип теории отражения, когда вскрывается противоречие между познанным и непознанным, выявляется взаимосвязь между чувственной и рациональными ступенями познания. Также когда мы используем в качестве метафоры субстрат, всегда происходит перенос на субъективную (*tabula rasa*) или объективную (след на восковой дощечке от платоновских эйдосов) сторону процесса познания, в то время как «отражение» фиксирует диалектический характер соотношения объективного и субъективного в ощущениях, восприятиях, представлениях, понятиях. «Понимание особен-

ностей мышления как отражения предполагает выяснение соотношения субъективного и объективного в нем. Мышление не принадлежит отдельно взятым ни субъекту, ни объекту, оно — результат их взаимодействия» [4, с. 153]. Еще одним моментом является то, что «дощечки» любого рода являются пассивными в отношении познания, а «отражение» как процесс создает больше потенциала для активности познающего. Последним выводом из такой субстантивации является то, что правильнее делать акцент не на субстрате, потому что сознание нематериально.

Следующим шагом можно рассмотреть имплицитные составляющие метафоры отражения. Чаще всего под отражением подразумевается именно зеркальное отражение, но Ленин намеренно это не акцентирует: «Г.В. Чернов переводит Spiegelbild — “зеркальное отражение”, обвиняя Плеханова в том, что он передает теорию Энгельса “в значительно ослабленном виде”: говорит-де по-русски просто об “отражении”, не о “зеркальном”. Это — придирика; Spiegelbild употребляется по-немецки и просто в смысле Abbild» [5, с. 99]. Действительно, в рамках диалектико-материалистической методологии рассмотрение отражения исключительно как зеркального является даже не столько неточным, но в корне неправильным, поскольку зеркальное отражение воспроизводит объекты с самым минимальным искажением из всех возможных, а это означает, что субъективный момент процесса познания максимально нивелируется. Такой подход исключает любую диалектику субъективного и объективного в теории отражения. «Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо» [5, с. 343]. Поэтому в нашем случае речь идет, говоря языком физики, скорее о диффузном отражении, а не зеркальном. «Действительное отношение ощущений и мысли в целом к действительности значительно сложнее: вещь никогда не воспринимается нами “зеркально”, в абсолютно “чистом” и буквальном виде, она всегда представлена в нашем сознании с большим или меньшим субъективным элементом» [8, с. 143]. В процессе познания формируется субъективный образ объективного мира, поэтому отражение выступает в качестве ключевого момента, который соединяет субъект и объект (человека и природу), что является особенно важным в контексте современной гносеологии.

Стоит обратить внимание на преемственность метафорических выражений в историко-философской ретроспективе. На протяжении всей истории описание процесса познания имело в ос-

новном одностороннюю направленность и тяготело либо к эмпирическому (Аристотель, Локк), либо к рациональному уровню (Платон, Декарт). Гносеологическая метафора света у Р. Декарта (*lumen naturalis*) не была рассмотрена, поскольку, во-первых, она выпадает из общей логики отмеченных метафор, а во-вторых, заслуживает отдельного объемного исследования. Здесь интересно то, что при буквальном значении происходит отражение волн или частиц света, а метафорически это можно рассмотреть в качестве рационального момента в процессе познания. Античные метафоры представляли сознание по большей части пассивным, в Новое время активный и субъективный моменты сознания стали преобладать. Теория отражения диалектически совмещает все вышеуказанные крайности. Так, чувственный и рациональный моменты познания представляют собой органическое единство, без которого в принципе невозможно осуществление мышления. Также в рамках теории отражения активность сознания подчеркивается еще сильнее и вводится ключевой принцип — практика, который полностью пронизывает процесс познания на всех его этапах и выступает в качестве основы, цели и критерия истинности знания.

Теперь необходимо указать, какие функции выполняет метафора в философском дискурсе. В этом отношении «отражение» представляется удачным примером, очень отчетливо демонстрирующим важнейшие функциональные свойства метафор.

Ранее уже было отмечено, что непосредственно можно сразу же обнаружить *номинативную* функцию, которая является крайне важной, потому что позволяет, помимо избавления от необходимости придумывать неологизмы, во-первых, избежать терминологической путаницы, а во-вторых, ввести в новое концептуальное поле пустой знак (без четкого референта), чтобы уже в дальнейшем обогатить его содержанием. Метафора постепенно стирается и превращается в категорию философии по мере того, как формируется теоретическое содержание строго ассоциированное с ней. Это позволяет, оперируя всего одной категорией, привлекать огромный теоретический пласт в философских изысканиях.

С номинативной функцией непосредственно связана *объяснительная* функция. Действительно, если для содержания теории отражения было бы выдуманно новое слово, то и сам процесс описывался бы этим словом, что существенно затрудняло бы первоначальное освоение теории. Слово «отражение» выбрано не случайно, поскольку его

перенос осуществлен по аналогии с самим процессом, описываемом в содержании теории. При освоении у человека возникает конкретный образ, что позволяет проще работать с данной абстракцией. Это своего рода предварительное понимание или пред-понимание [3, с. 317–321], которое помогает, но одновременно может и препятствовать адекватному восприятию, что уже было подчеркнуто нами при анализе метафоры, когда может возникать отождествление отражения вообще с его частным случаем — зеркальным отражением. Такое отождествление вполне закономерно, если исходить из того, что в обыденной жизни человека прагматическая необходимость в отражении удовлетворяется только при помощи зеркала.

Хотелось бы обратить особое внимание на подобную двойственность (или в других случаях неоднозначность) метафор, что играет не всегда лучшую роль в объяснении, но выступает положительным моментом в связи с другой функцией, являющейся для философии наиболее важной, и которая будет освещена далее. А пока стоит отметить, что объяснительная функция в целом свойственна различным научным областям, где к метафорам нередко прибегают исключительно в дидактических целях, что требует максимальной однозначности, поскольку довольно сложные теоретические конструкции необходимо выразить понятным языком или создать наглядные образы, позволяющие осмыслить теоретический материал. Очень часто это происходит в физике, потому что абстрактные математизированные теории иногда бывает довольно сложно описать и объяснить буквально («демон Максвелла», «кот Шрёдингера»).

Одной из наиболее сложных функций, а поэтому требующей отдельного подробного изучения, является *когнитивная* функция. Она, как уже было сказано, имеет для философии ключевое значение. В науках, работающих с математическими моделями (пример с физикой, описанный выше) или с точными эмпирическими данными (примером может послужить генетика, где для определенных, эмпирически зафиксированных участков ДНК применяются такие метафоры, как «прыгающие гены», «гены домашнего хозяйства» и пр.), основной вес приходится на номинативную и объяснительную функции. Это обусловлено тем, что процесс познания в таких науках не связан напрямую с языковым выражением, в котором предстают результаты этого познания. За этим языковым описанием всегда имеется математическая формула или эмпирическая реальность, пусть и не всегда доступная непосред-

ственному восприятию человека. Хотя не стоит полностью отбрасывать когнитивную функцию в данном случае — ее роль возрастает от прикладных наук к фундаментальным.

В чем же суть когнитивной функции метафоры и какое значение она имеет для философии? Ответ на этот вопрос требует отдельного рассмотрения, но мы попытаемся наметить контуры, которые могут послужить отправным пунктом для построения философской теории метафоры, где через призму языка можно будет глубже осознать фундаментальные гносеологические проблемы.

Философия является наукой, работающей на пределе абстракции. Весь предшествующий анализ теории отражения наглядно демонстрирует, что метафора является наиболее эффективным инструментом при попытках уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции. В данном случае эти объекты были связаны со сферой идеального. Такие объекты намного сложнее выразить в вербальной форме, чем, допустим, те же самые гены, поскольку эта сторона действительности намного сложнее и ее нельзя свести ни к математической формуле, ни к эмпирическим проявлениям. Работающее здесь на предельных абстракциях мышление вынуждает язык следовать за ним, поскольку «нельзя представить себе познание человека без языка, ибо язык закрепляет в словах результат мышления» [4, с. 177]. Каждый акт мышления нуждается в вербальной репрезентации, и здесь очень часто помогает метафора, позволяющая сделать представимым то, что непредставимо непосредственно — общее, всеобщее.

Это связано с тем, что любой мыслительный процесс сопровождается образным представлением, где мысль обретает связь с действительностью. Даже самые абстрактные рассуждения требуют соответствующего им образа. Именно в этом метафора выступает связующим звеном, опосредующим переход от абстрактного к конкретному и наоборот. Здесь двойственность метафорических выражений, отмеченная выше, является уже только преимуществом, если мы обращаемся к категориям абстрактного и конкретного. Метафора находится на стыке референциальных полей, где, с одной стороны, «отражение» включает в себя сложное теоретическое содержание, которое, строго говоря, непредставимо непосредственно. С другой стороны, это вполне конкретный физический процесс, который легко фиксируется эмпирически и имеет поэтому такой же конкретный и единичный образ в сознании. Такая двойственность и опреде-

ляет применительно к философии особое положение метафоры, которое позволяет ей осуществлять установление универсальной связи общего и единичного. Это возможно благодаря наличию в объективной реальности структуры, где общее существует и дано нам лишь через единичное. Здесь возникает проблемное поле вопроса о соотношении языка и реальности [2], сквозь призму которого необходимо рассматривать процесс метафоризации в философском дискурсе с целью попытки построения фундаментальной теории метафоры.

Итак, данный анализ позволяет увидеть огромное теоретическое содержание при обращении к категории отражения, которая была образована в результате процесса метафоризации. Она интегрировала в себя все исторически предшествующее содержание, которое было переосмыслено в разрабатываемой теории отражения на основе диалектики и материализма. При таком подходе обнаруживается, что метафоризация в философском дискурсе сопутствует процессу бесконечного познания мира, его отражению в категориях на предельно абстрактном уровне, углублению теоретического содержания. Получается, что метафора является одним из ключевых механизмов, позволяющих преодолевать языку его конечность [2, с. 98–120]. Любое конечное всегда обладает незавершенностью и открыто для бесконечного взаимодействия и видоизменения. При рассмотрении слова как базовой языковой единицы обнаруживается его способность к постоянному изменению смыслового содержания. Такое обогащение содержания происходит при использовании названия объекта одного класса для описания объекта другого класса, вследствие изменения контекста употребления слова: т.е. слово изымается из одного концептуального поля и помещается в другое, где преобразует собственный смысл и расширяет содержание всего концептуального поля.

Таким образом, в конечном языке содержится весь необходимый потенциал для схватывания и выражения в понятиях всего многообразия бесконечно развивающегося мира. Необходимо попытаться построить теорию метафоры, позволяющую снять противоречие между конечностью языка и бесконечностью мира, что может в значительной степени способствовать решению других гносеологических проблем.

Список литературы

1. *Аристотель*. О душе // Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. *Береснева Н.И.* Язык и реальность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2004. 182 с.

3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 484 с.
5. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. 526 с.
6. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969. 846 с.
8. Орлов В.В. Основы философии: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1: Общая философия. Вып. 2 / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 197 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
- sophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988, 704 p. (In Russian).
4. Kopnin P.V. *Filosofskie idei Lenina i logika* [Lenin's philosophical ideas and logics]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 484 p. (In Russian).
5. Lenin V.I. [Materialism and empiriocriticism]. *Polnoe sobranie sochinenij. Tom 18* [Complete set of works. Vol. 18]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, 526 p. (In Russian).
6. Locke J. [An essay concerning human understanding]. *Sochineniya: v 3 t. T. 1* [Oeuvre in 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1985, 621 p. (In Russian).
7. Losev A.F. *Istoriya antichnoj estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of the ancient aesthetics. Sophists. Soctates. Plato]. Moscow, Iskustvo Publ., 1969, 846 p. (In Russian).
8. Orlov V.V. *Osnovy filosofii: Uchebnoe posobie v 2 chastyah: Ch. 1: Obschaya filosofiya, vyp. 2* [Basics of philosophy: study guide in 2 parts: part 1: General philosophy. Ed. 2]. Perm, Perm State University Publ., 2012, 197 p. (In Russian).
9. Ortega-y-Gasset J. [Two great metaphors]. *Teoriya metaforoy* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990, 512 p. (In Russian).

Получено 29.04.2015

References

1. Aristotle. [On the soul]. *Sochineniya: v 4 t. T. 1* [Oeuvre in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1976, 550 p. (In Russian).
2. Beresneva N.I. *Yasyk i real'nost'* [Language and reality]. Perm, Perm State University Publ., 2004, 182 p. (In Russian).
3. Gadamer H-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoj germeneyvtiki* [Truth and method: Basics of philo-

The date of the manuscript receipt 29.04.2015

Об авторе

Абраменко Вячеслав Игоревич
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева 15;
e-mail: lateglerio@mail.ru

About the author

Abramenko Vyacheslav Igorevich
Doctoral student of Philosophy Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lateglerio@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абраменко В.И. Метафоры сознания в философском дискурсе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 2(22). С. 25–30.

Please cite this article in English as:

Abramenko V.I. Metaphors of consciousness in philosophical discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 2(22). P. 25–30.